

УДК 93/94
ББК 63.3(2)
В 50

Оформление серии *С. Курбатова*

На переплете рисунок художника *И. Хивренко*

Винтер, Дмитрий.
В 50   **Опричнина. От Ивана Грозного до Путина / Дмитрий Винтер.** – Москва : Яуза : Эксмо, 2014. – 352 с. – (Опасная история).

ISBN 978-5-699-76450-1

Сейчас всё чаще говорят о необходимости «новой опричнины» для борьбы против «пятой колонны» и коррупции. Мол, российские «элиты» настолько поражены воровством и предательством, а метастазы измены настолько глубоко проникли во все правоохранительные органы, что по примеру Ивана Грозного требуется создать абсолютно новую силовую структуру, подотчетную лишь главе государства.

Вот только чем закончился этот «эксперимент» пять веков назад? Чему нас учит опыт истории? Стала ли ОПРИЧНИНА спасением для Руси – или, наоборот, погубила Московское царство? Можно ли установить власть закона беззаконными методами? И какую цену приходится платить за тиранию и репрессии?

УДК 93/94
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-699-76450-1

© **Дмитрий Винтер, 2014**
© **ООО «Издательство «Яуза», 2014**
© **ООО «Издательство «Эксмо», 2014**

«РУСЬ ИЗНАЧАЛЬНАЯ»: ЕВРОПА ИЛИ НЕТ?

О чем пойдет речь

В последние годы в нашей стране снова получила распространение концепция «изначальности» в России самодержавия и деспотизма, того, что у нас никогда не было своих традиций свободы (ну, в лучшем случае в домонгольской Руси и в Новгороде...); если выразить эту точку зрения в одном предложении, то она будет звучать так: русский народ — «тысячелетний раб».

Из подобных рассуждений логически вытекает: если история России — сплошное авторитарное правление, самодержавие и «рабство», а своих традиций свободы у нас никогда не было, значит, все позитивное в этом плане можно заимствовать только из-за рубежа, в первую очередь — с Запада. Если, конечно, это вообще возможно, если Россия не «обречена» вечно жить так, как живет. Как высказался один из «отрицателей России» новой волны, «пора понять простую и очевидную истину — эта страна и этот народ безнадежны».

Оппоненты отечественных либералов — защитники «православия, самодержавия, народности» — соглашались с ними, расходясь только в том, что, по их мнению, сложившуюся систему менять и не надо, поскольку деспотизм, авторитаризм и все такое прочее — это «наше все», «на том стоим», идеальный вариант развития России — это как раз «сильная рука», «хозяин в доме», потиранистее да покруче, да кнут подлиннее (в зависимости от взглядов антилибералов — включая или не включая советские «модификации» этих ипостасей, а равно «православия, самодержавия, народности»), а свобода и демократия России, по мнению этой публики, никогда ничего, кроме вреда, не приносили.

Помимо всего прочего, такой подход автоматически ставит сторонников «особого пути России» (в том числе «модифицированных» советских его вариантов) в положение патриотов, защитников «исконно русских ценностей», а тех, кто призывает к изменению такого типа отношений — в положение «агентов влияния» Запада, которые покушаются на «наше все» и хотят привнести в нашу жизнь «чуждые нам жизненные установки».

Между тем при переустройстве государства в современном демократическом ключе очень важно опираться в первую очередь на отечественную традицию. Так, например, творцы первой испанской конституции 1812 г. подчеркивали именно опору на отечественную традицию «кортесов», которые примерно на полвека старше, скажем, английского парламента¹.

При этом сами сторонники «особого незападного пути России», говорящие о «тысячелетней традиции самодержавия» (не все, но многие), переходя к конкретным именам, начинают эту традицию только с Ивана Грозного, т. е. с периода, отстоящего от нашего времени всего на 450 лет. Это относится и к иностранным ревнителям отечественной «особости». Вот, например, что пишет американец М. Вайнс («Нью-Йорк таймс», 9 января 2000 г.). В его статье речь идет о только что (31 декабря 1999 г.) ушедшем в отставку Б. Н. Ельцине, однако начинается она замечанием о России как о «великой нации, способной похвастать 1100-летней родословной самодержцев — от Ивана Грозного до... дядюшки Джо Сталина»². Такая хронологическая постановка проблемы, однако, неизбежно порождает вопрос: а что было в нашей истории **до** Ивана Грозного, т. е. на протяжении предыдущих 600—700 лет?

Поскольку очень многие из тех, кто к такой реставрации «православия, самодержавия, народности» призывают, поднимают на щит именно Ивана Грозного,

---

¹ Пискорский В. К. История Испании и Португалии. От падения Римской Империи до начала XX в. М., 2011. С. 215—216.

² Цит. по: Янов А. Л. Европейское столетие России (1462—1560). М., 2009. С. 421.

то личность и правление первого русского правителя, официально принявшего царский титул, остается весьма важной (по моему мнению, которое будет обосновано в этой книге, — самой важной) для изучения. Поэтому необходимо ответить на следующие вопросы.

Почему именно Иван Грозный так важен для изучения нашей истории?

Был ли он деспотом, тираном и душегубом?

Каким политическим строем жила Россия до Ивана Грозного?

Что стало после него?

Какие плоды дало оставленное им наследство?

И главный вопрос (применительно к самому Ивану Грозному): полезно или вредно для России было его правление?

Для начала вернемся к проблеме «тысячелетней самодержавной традиции». О «родословной самодержцев от Ивана Грозного» пишет все-таки американец (хотя и в родных пенатах таких хватает), тогда как многие наши доморожденные политологи говорят «о тысячелетней самодержавной традиции от Рюрика». Вот, например, позиция автора вузовского учебника о Российской цивилизации В. В. Викторова: «Крещение Руси и введение Православия в роли государственной религии означало принятие идеи **самодержавной власти** (выделено мною. — Д. В.) и монархии как формы государственного устройства¹.

Так вот, в связи с этим — еще один вопрос: имела ли место в нашей стране «1100-летняя традиция самодержавия», равно как и 1100-летнее отличие от Европы, как утверждают многие «антилибералы»? И если нет, то когда и как самодержавная традиция началась? И что было до нее?

На основании ответов на все перечисленные вопросы — об Иване Грозном и не об Иване Грозном — необходимо поставить еще один вопрос, можно сказать, «вопрос вопросов»: так что же полезнее для России — тирания или свобода?

---

¹ Викторова В. В. Российская цивилизация: тенденции развития от истоков к современности. М., 2009. С. 67.

Самодержавие «от Рюрика»?

Тех, кто отвечает на вопрос о полезности для России тирании и вреде свободы утвердительно, немало. И многие из таких свои взгляды теоретически обосновывают. Например, некая С. Г. Кирдина говорит о жесткой иерархии и централизации власти на Руси с X в., поскольку «вышестоящий уровень налагал на нижестоящие уровни подати, концентрировал судебную и религиозную власть» (о религиозной власти мы поговорим чуть ниже. — *Д. В.*)¹, как будто в странах Западной Европы в X в. было не так. При этом она делит все социальные, экономические и политические системы мира на X-матрицы и Y-матрицы.

Для Y-матриц характерны в экономике — частная собственность, наемный труд и конкуренция, в политике — федерация, самоуправление, выборы, многопартийность, демократическое большинство, а также судебные иски как способ решения споров, а в идеологии — индивидуализм, стратификация, свобода. Для X-матриц же в экономике преобладают общая собственность, служебный труд, координация, в политике — административное деление, «вертикаль власти», назначение вместо выборов, общее собрание и единогласие, обращение по инстанциям как способ решения проблем, в идеологии — коллективизм, эгалитаризм, «порядок»².

При этом «институциональная матрица» есть нечто неизменное, раз навсегда данное, и попытки ее сменить приводят к гибели системы как таковой. Россия у С. Г. Кирдиной, естественно, относится к X-матрицам, и все попытки что-либо изменить всегда кончались неудачей и впредь на неудачу обречены³.

Между тем даже достаточно поверхностный анализ развития различных обществ вынуждает (и еще

---

¹ Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск, 2001. С. 140.

² Там же. С. 117, 129, 165.

³ Там же. С. 201.

не раз вынудит) согласиться скорее с утверждением политолога К. С. Гаджиева: политическая и социально-экономическая общественная система — это явление динамичное, развивающееся, постоянно обогащающееся в своем содержании и форме, чутко реагирующее на изменения в реалиях окружающего мира»¹. А вот классификация Кирдиной отличается крайним примитивизмом, «черно-белым» отношением к проблеме. Очевидно, сама она осознает это и вынуждена оговориться, что и в США, например, помимо доминирующего самоуправления, действует и институт властной вертикали, и Федеральный центр может (хотя реально не делает) издавать нормативные акты прямого действия². В целом — подход Кирдиной представляется столь же «одномерным», как деление социально-экономических и политических систем на «либеральные» и «коллективистские» или «рыночные» и «этатистские». В конце концов, Ф. Фукуяма отмечает тенденцию к централизации и в такой вполне европейской стране, как Франция³.

Полный отказ «институциональным матрицам» в праве на развитие вызывает еще большие вопросы. Например, сама С. Г. Кирдина противопоставляет древнейшие цивилизации — Месопотамию и Египет — как соответственно Y-матрицу и X-матрицу⁴. Непонятно, почему же в дальнейшем Месопотамия (даже если изначально допустить там наличие Y-матрицы, что как минимум не факт) превратилась в типичную восточную деспотию.

Но вернемся к России. Политолог Г. Аксенов, поддаваясь тому же стереотипу «изначальности самодержавия», отмечает, что у нас по пути развития общественного договора, как в средневековых городах Северной

---

¹ Гаджиев К. С. Размышления о политической культуре современной России//Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 2. С. 26.

² Кирдина С. Г. Указ. соч. С. 156.

³ Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2008. С. 201.

⁴ Кирдина С. Г. Указ. соч. С. 86—87.

Европы, развивались лишь Псков и Новгород, пока «Москва все не задавила»¹. К. С. Гаджиев, вроде бы споря с тезисом о всегдашней авторитарно-коллективистской природе России, говоря, например, что «авторитаризм и коллективизм — не всегда близнецы братья и коллективизм отнюдь не исключает демократию», в то же время считает, что «без контроля самодержавия Россия вряд ли бы стала органической целостностью»².

Начнем с того, что и в демократическом обществе не дается однозначного ответа на вопрос, что выше — общественное или личное; что первое выше второго, полагали, например, древние греки, на Руси — те же новгородцы, на современном Западе так мыслят многие правые, например, республиканцы в США, тогда как леволибералы сплошь и рядом считают наоборот (например, демократы в тех же США). А вот в деспотиях общественное и личное равно задавлено государственным. Более того, как мне представляется, деспотическое государство не может быть коллективистским в принципе (если, конечно, иметь в виду подлинный, снизу идущий коллективизм, а не согнанные указом сверху массовки с требованием «расстрелять/очередных/взбесившихся собак всех до одного»). Просто потому, что столь усердно насаждающаяся деспотами «круговая порука» (когда за одного наказывают всех) постепенно порождает стремление не просто «не высовываться» и не участвовать ни в каких несанкционированных коллективных акциях, но и всячески «клеить» их участников и тем более зачинщиков, одновременно подчеркивая лояльность «начальству» — именно с целью избежать своей доли коллективной ответственности³.

Что касается «тысячелетнего самодержавия», то В. Г. Сироткин тоже говорит о «византийском» характере Древней Руси», об «азиатско-византийской надстройке»⁴. Его поддерживает В. В. Викторov: «Киев-

¹ Аксенов Г. Крылья орла. М., 2000. С. 237—238.

² Гаджиев К. С. Указ. соч. С. 27—28.

³ Подр. см.: Крылов К. Прогнать чертей! М., 2010. С. 147—164.

⁴ Сироткин В. Г. Демократия по-русски. М., 1999. С. 17.

ский князь, великий князь Владимирский или Московский был независим от народа. Его власть ограничивалась не снизу, а сверху — Господом Богом». ¹ Тот же стандартный набор стереотипов повторяет и А. И. Соловьев: «Постоянная ориентация государства на чрезвычайные методы управления, мощное влияние византийской традиции, доминирование коллективных норм социальной жизни, отсутствие традиций правовой государственности (как будто в Европе, кроме испытывавшего римское влияние Средиземноморья, они в то время были. — Д. В.), низкая роль механизмов самоуправления...»

А. Л. Янов, возражая всем указанным авторам, рассуждает о двух одинаково древних на Руси традициях. **Первая** — да, действительно, патерналистская, связанная с отношением хозяина к своим дворовым служащим, управлявшим его вотчиной, к холопам и кабальным людям, пахавшим княжеский домен. И это было вполне патерналистское отношение хозяина к рабам.

Вторую традицию А. Л. Янов ассоциирует с отношением князя к своим вольным дружинникам, а равно и к боярам. Тут подход был договорной, основанный на взаимных обязательствах, зафиксированный в нормах обычного права («старина»). И вот вольные дружинники имели право «отъезда к другому князю». ² Однако тут имеется вопрос: а много ли было в Киевской Руси «холопов»? Подавляющее большинство крестьян в средневековой Руси были лично свободны. И отношение к ним, в частности, уважение к их праву менять своих хозяев — это явно вторая традиция: как дружинники имели право отъезда к другому князю, так и крестьяне имели право перехода к другому владельцу. То есть и крестьяне тоже не были бесправными «холопами», а имели какие-то права, которые никем не оспаривались.

Американский историк-русист Р. Пайпс, убежденный сторонник если не «изначальной», то по крайней мере, «со времен татаро-монголов» авторитарно-самодер-

---

¹ Викторов В. В. Указ. соч. С. 67.

² Янов А. Л. Указ. соч. С. 50.

жавной природы России, ни на кого не ссылаясь, пишет, что в княжеских хозяйствах «и вольные/работники/(т. е. члены управленческого персонала. — Д. В.) находились в полукабальном состоянии и не могли уйти без воли хозяина». Но и он вынужден признать, что «с населения в целом князю не причиталось ничего, кроме податей, и оно могло как ему заблагорассудится перемещаться из одного княжества в другое», причем свобода перемещения «твердо укоренилась в обычном праве и была **официально признана в договорных грамотах князей** (выделено мною. — Д. В.)»¹. К. Валишевский тоже, как мы в дальнейшем увидим, в значительной мере солидарный со взглядами Пайпса (А. Л. Янов называет такую систему взглядов «правлящим стереотипом»), тем не менее вынужден признать, что сохранение вече и уважение к его правам обеспечивалось «рядом» (договором) с князьями².

Далее, Р. Пайпс признает, что «лишь к середине XVII в. (о правомерности использования Пайпсом этой даты подробнее речь пойдет в основном тексте книги, в конце его. — Д. В.)... московские правители сумели наконец заставить и военно-служилый класс, и простолюдинов сидеть на месте. **Юридический обычай** (выделено мною. — Д. В.) гарантировал русским боярам право поступать на службу к князю по своему выбору. Они могли даже служить иноземному правителю, такому, как Великий князь Литовский³. В свете всего сказанного очевидно, что преобладало договорное отношение князей к подданным всех сословий.

И потом, на Руси, как известно, большую роль в решении политических вопросов играло вече (что само по себе опровергает тезис о том, что князь якобы был «независим от народа» с киевских времен»). Р. Пайпс утверждает, что вече возникло в XI в. в более крупных городах, а до этого князья якобы пользовались властью

¹ Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 2004. С. 68—69.

² Валишевский К. Иван Грозный. Репринтное издание 1912 г. М., 1989. С. 21.

³ Пайпс Р. Указ. соч. С. 71.

«в духе средневекового торгового предприятия, не стесняясь ни законом, ни народной волей»¹, но утверждает он это, опять-таки ни на кого не ссылаясь, а если и допустить, что он прав, то ведь, например, и в Британии был полутора-двухвековой перерыв между приходом норманнов, упразднивших традиционную британскую свободу, и началом новой свободы в виде «Великой хартии вольностей» и парламента (с 1066 по 1216—1265 гг.); а ведь и на Руси основателями государства считаются (не будем здесь говорить, насколько правомерно) норманнские (варяжские) князья. Но при этом никто не спорит с тем, что участвовать в выборном самоуправлении всегда и везде имеют право только свободные граждане! В Древних Афинах, например, права посещать народное собрание были лишены не только несвободные люди, но и свободные неграждане («периэки»).

Единственную попытку установить на Руси самодержавную власть предпринял суздальский князь Андрей Боголюбский (годы правления 1157—1175; к тому времени политический центр Руси переместился из Киева во Владимиро-Суздальскую землю). Так, он перенес свою резиденцию во Владимир потому, что в Ростове и Суздале горожане избрали его князем на вече, вопреки воле его отца Юрия Долгорукого, и Андрей боялся, что память о вечевом избрании князя сделает его зависимым от подданных, почему и переехал в город, обьязанный своим возвышением ему лично.

Андрей впервые предпринял попытку лишить самостоятельности Новгород, заставить его принимать назначенных им князей. И вообще, он хотел превратить других русских князей в пешки, которых он будет менять на княжении, ссорить и мирить по своей прихоти. Однако финалом такой политики стало полное фиаско с весьма печальным исходом лично для князя Андрея. Сначала он потерпел два поражения — под Новгородом и под Киевом, потому что насильно присоединенные к его войску отряды других русских земель не хотели сражаться

---

¹ Там же. С. 49—50.

за «тирана»; наконец, летом 1175 г. князь Андрей был вообще убит группой заговорщиков¹.

В. О. Ключевский писал об Андрее Боголюбском: «В первый раз великий князь, названный отец для младшей братии, обращался... не по-отечески и не по-братски со своими родичами... Эта деятельность была попыткой произвести **переворот в политическом строе Русской земли** (выделено мною. — Д. В.)... Князь Андрей... действовал не по-старому... желая быть **«самовластием»** (выделено мною: во времена Ключевского, как известно, слово «самовластие» было синонимом слова «самодержавие». — Д. В.) всей Суздальской земли»².

Оппонент А. Л. Янова И. Н. Данилевский в послесловии к яновской трилогии «Россия и Европа» (вышла в 2009 г. в трех книгах — «Европейское столетие России (1462—1560)», «Загадка николаевской России (1825—1855)» и «Драма патриотизма в России (1855—1921)») приводит Андрея Боголюбского в качестве примера того, что и до Ивана Грозного в Северо-Восточной Руси, очаге образования будущей России, было самодержавие³. В. В. Ильин тоже считает Андрея Боголюбского «первосамодержцем», от которого эта напасть (по крайней мере, в этом месте он самодержавно-деспотической тенденции на Руси явно не симпатизирует) на Руси и пошла: «От толчка, данного Андреем Боголюбским, перенесшим столицу из Киева во Владимир, устроительная деятельность покатила по наклонной плоскости»⁴.

Р. Пайпс считал, что самодержавные тенденции в Северо-Восточной Руси (историческое ядро будущей Великороссии) были предрешены еще до Андрея Боголюбского. По его мнению, в других княжествах Руси «население (славянское. — Д. В.) появилось прежде

---

¹ Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. 1. М., 1995. С. 65—75.

² Ключевский В. О. Сочинения в 9 т. Т. 1. Курс русской истории. Ч. 1. М., 1957. С. 325.

³ Янов А. Л. Драма патриотизма в России (1855—1921). М., 2009. С. 640.

⁴ Ильин В. В., Ахиезер А. С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М., 2000. С. 7.

князей», тогда как в Северо-Восточной Руси «власть предвосхитила население, так как Северо-Восток был по большей части колонизирован по инициативе и под воздействием князей». До этого, мол, там жили только финно-угорские племена — мордва, меря, мурома, весь, чудь и т. д. В результате этого северо-восточные князья обладали такой властью и престижем, на которые сроду не могли рассчитывать их собратья в Новгороде и Литве (т. е. в вошедших в XIV—XV вв. в состав Литовского княжества русских землях, каковыми в указанное время стали территории вплоть до Смоленска. — *Д. В.*). Земля, по их убеждению, принадлежала им; города, леса, пашни, луга и речные пути были их собственностью, ибо строились, расчищались и эксплуатировались по их повелению. Такое мнение предполагало также, что все живущие на их земле люди были их челядью либо съемщиками; в любом случае, они не могли претендовать на землю и обладать какими-либо неотъемлемыми «правами» (кавычки Р. Пайпса. — *Д. В.*)»¹.

А. Л. Янов, опять-таки возражая им всем, подчеркивает, что речь в данном случае лишь о **неудачной** попытке установления самодержавия, которая плохо кончилась для незадачливого самодержца², независимо от того, была эта попытка «предрешена всем предыдущим ходом развития Северо-Восточной Руси» или нет. Однако утверждение Р. Пайпса, помимо всего прочего, не выдерживает и испытания этнографией: славяне проникали в междуречье Волги и Оки еще начиная с VI—VIII вв., т. е. задолго до появления в этих местах князей. На Оке жили вятичи, в бассейне Москвы-реки — кривичи³. И тот факт, что Ростов и Суздаль избрали Андрея Боголюбского князем на вече, также опровергает концепцию Р. Пайпса. Даже во Владимире, обязанном этому князю своим возвышением, самодержавные тенденции в политике кончились для него плохо.

¹ Пайпс Р. Указ. соч. С. 62.

² Янов А. Л. Драма патриотизма в России. С. 649.

³ История СССР. Ч. 1. С древнейших времен до 1861 года. Под ред. В. В. Мавродина. М., 1979. С. 55, 66.

А Русская Церковь — всегда ли была зависима от государства? Опять-таки проследим ее историю начиная с Древней Руси...

Так вот, православная Церковь в киевские времена подчинялась византийскому императору (точнее, константинопольскому патриарху, который, в свою очередь, подчинялся императору), но никак не киевскому князю. Так что о «копии византийского самодержавия» хотя бы по этой причине не могло быть и речи. Если князь Владимир Святой и действительно, как утверждает В. В. Викторов, «остановился на византийском христианстве в силу того, что оно было лояльно и законопослушно к императорской власти»¹, то он очень ошибается.

Помимо всего прочего, имелись между русским и византийским православием и серьезные идеологические различия. Так, в Византии воин не мог стать святым, смерть в бою не рассматривалась как мученичество. Борьба с врагами была жизненно необходима, но не более. Профессия воина в Византии не была окружена такой романтикой и ореолом, как на Западе. Священник не мог взять оружие в руки вообще. В Византии, в отличие от Запада, не было понятия «священная война», которая может вестись по велению Бога и быть позволительной, законной и желательной².

А теперь спросим себя: к Византии или к Западу была в этом плане ближе Русская православная церковь? Воины причислялись и причисляются к святым, как, например, князь Александр Невский или адмирал Ф. Ф. Ушаков. Монахи имеют полное право выйти в бой с врагом: самые знаменитые участники, например, Куликовской битвы — братья-монахи Александр Пересвет и Родион Ослябя. Даже Иван Грозный, который, как мы далее увидим, старался повернуть Россию на принципиально неевропейский путь развития, делал свои дела с помощью опричников, организованных по образцу западного

---

¹ Викторов В. В. Указ. соч. С. 67.

² Близинок С. В. Крестоносцы позднего Средневековья. М., 1999. С. 16.

военно-монашеского ордена в братство, где сам Грозный был игуменом, князь А. Вяземский — келарем (заместитель игумена по административно-хозяйственной части), а Малюта Скуратов — пономарем¹. Дм. Володихин прямо называет опричное «братство» «Слободским (от опричной резиденции Грозного в Александровой Слободе) орденом»².

В общем, можно согласиться с резюме Н. А. Бердяева, что Русь до монгольского нашествия была государством европейским, «не замкнутым от Запада, восприимчивым и свободным в своей духовной сути и политической организации»³. И элементы, фрагменты будущего демократического государства и гражданского общества, насколько это вообще было возможно при европейском феодально-средневековом социальном устройстве, в общем, имели место по крайней мере не в меньшей степени, чем в Западной Европе: вольные рыцари-дружинники, лично свободные в подавляющем большинстве крестьяне, а тем более горожане, Церковь — отнюдь не «служанка власти»; и самих князей общество при необходимости умело ограничивать.

Начало Московской Руси

Но это все — Русь Киевская и Владимиро-Суздальская. А как насчет Руси Московской?

Принято считать, что Россию свернула с европейского пути развития Золотая Орда. В отличие от евразийцев — «классических» и «неклассических, которые относились к этому факту позитивно и о которых впереди большой и подробный разговор, другие историки

---

¹ История СССР под ред. В. В. Мавродина. С. 217.

² Володихин Дм. Иван IV Грозный, царь Всея Руси. М., 2013. С. 177.

³ Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 45.

(а также политологи и просто «любители порассуждать о судьбах России») воспринимали этот факт негативно, но в его подлинности в подавляющем большинстве не сомневались. Н. М. Карамзин¹ и Н. И. Костомаров², Карл Маркс³ и маркиз де Кюстин⁴, Н. А. Бердяев⁵ и Н. Я. Эйдельман⁶, Аполлон Кузьмин⁷ и Ричард Пайпс⁸, демократ-патриот Константин Крылов и русофоб Юрий Нестеренко (автор цитированной выше фразы «... эта страна и этот народ безнадежны») — самые, казалось бы, разные люди, разделенные подчас непримиримыми идейными баррикадами, единодушны в этом вопросе. Однако все значительно сложнее.

Да, самодержавные тенденции, конечно, не минули русских князей, которые быстро усвоили привычку грозить «позвать татар» при любом недовольстве поданных их политикой; со своей стороны, руководство Золотой Орды столь же быстро осознало, что с одними князьями дело иметь легче, чем еще и с боярами, не говоря уже о «широких народных массах»⁹, и поддерживало укрепление деспотических тенденций в княжеской власти. Да, действительно, уже в XIV в. на Руси не осталось веча нигде, кроме Новгорода и Пскова, но и там уже Александр Невский в 1255—1257 гг., опираясь на Орду, силой заставил народ принять неугодного князя (своего сына Василия)¹⁰. Однако все это были отдельные проявления, которые, как мы далее увидим, тенденцией не стали.

---

¹ Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т. V. М., 1993. С. 200—203.

² Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 97—100 и др.

³ Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века//Вопросы истории. 1989. № 4. С. 3—11.

⁴ Кюстин А. Россия в 1839 году//Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. М., 1991. С. 593.

⁵ Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990. С. 126.

⁶ Эйдельман Н. Я. Революция сверху в России. М., 1989. С. 31—34.

⁷ Кузьмин А. Пропеллер пассионарности, или Теория приватизации истории//Молодая гвардия. 1991. № 9.

⁸ Пайпс Р. Указ. соч. С. 59—61, 127—149.

⁹ Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 116—118.

¹⁰ Там же. С. 134—136.